
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 636(091)(571.1/5) «1920/1930»

DOI: 10.25730/VSU.2070.24.001

Кражи лошадей и скота в 1920-х – начале 1930-х гг. в контексте деятельности правоохранительных органов Сибири

Кузнецов Денис Евгеньевич

кандидат исторических наук, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела – начальник научно-исследовательского отделения, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0009-0002-7528-1823. E-mail: goodjobman@inbox.ru

Аннотация. В данной статье анализируется деятельность системы правоохранительных органов Сибири по борьбе с кражами лошадей и скота, как одним из наиболее опасных преступлений, получившим широкое распространение в регионе в исследуемый период. Об актуальности исследования свидетельствует широкое распространение конокрадства и скотокрадства в различных масштабах по всей стране на начальном этапе становления советского государства. Целью выступает систематизация факторов, способствовавших широкому распространению краж лошадей и скота в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг., а также определение основных мер по противодействию данному виду преступной активности со стороны системы правоохранительных органов Сибири. Приводятся примеры конокрадства и скотокрадства, а также успешных действий правоохранительных органов. Анализируется состояние и эффективность деятельности правоохранительных органов Сибири по борьбе с данным видом преступлений, отмечаются общие недостатки в ее организации и успешные действия. Результатом исследования является систематизация факторов, способствовавших широкому распространению краж лошадей и скота в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг., а также основных мер по противодействию кражам данного вида со стороны правоохранителей Сибири как системы государственных органов. Автор приходит к выводам о широком распространении конокрадства и скотокрадства на территории Сибири в исследуемый период, имевшем как исторически обусловленные предпосылки, так и специфические региональные причины и особенности. Согласованные действия системы правоохранительных органов сняли остроту проблемы краж лошадей и скота, однако не решили ее полностью. Результаты исследования применимы в сфере дальнейшего изучения истории правоохранительных органов Сибири, ее уточнения и дополнения, а также проведения сравнительных исследований по схожей тематике с целью выявления закономерностей и особенностей в вопросах краж лошадей и скота, а также ответных действий системы региональных правоохранительных органов.

Ключевые слова: конокрадство, скотокрадство, угон скота, милиция, профессиональная преступность.

Преступления, связанные с угоном лошадей и иного скота, на протяжении длительного периода истории нашего государства оставались одними из наиболее тяжких, исходя из наступавших последствий факта совершения преступления, особенно для сельской местности [27, с. 108]. В преимущественно аграрной Сибири потеря лошади или иного тяглового скота могла обернуться для крестьянина последующим голодным существованием, отсюда и резко негативное отношение населения к промышленным данным видом преступлений представителям криминального мира.

Другая опасность конокрадства заключалась в прикладном значении лошадей как средства передвижения. В отсутствии повсеместного распространения телефонной и телеграфной связи, дефицита механического транспорта конное перемещение выступало чуть ли не единственно возможным вариантом коммуникации между населенными пунктами. Таким образом, влияние конокрадства и скотокрадства на экономическое благополучие и социально-экономическое развитие региона в целом являлось существенным.

Актуальность избранной темы подтверждается тем, что рассматриваемый вид имущественных преступлений был присущ не только сибирскому региону. Его распространение в

различных масштабах наблюдалось по всей стране [3; 4]. Исследование опыта Сибири позволит проводить сравнения и параллели, выявлять определенные тенденции и закономерности в вопросе конокрадства и скотокрадства, а также определить отличительные региональные особенности в данном вопросе, присущие исключительно Сибирскому региону. О важности противодействия кражам скота в масштабах государства свидетельствует тот факт, что как в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., так и в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. кража лошадей или крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения выделялась в самостоятельный состав преступления. В 1928 г. в Уголовном кодексе появляется отдельная статья, предусматривающая ответственность за кражу лошадей и скота из трудовых скотоводческих хозяйств, однако всего на несколько месяцев, после чего исключается из него [31, с. 9, 12].

Исследование нацелено на систематизацию факторов, способствовавших широкому распространению краж лошадей и скота в Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг., а также определение основных мер по противодействию данному виду преступной активности со стороны системы правоохранительных органов Сибири.

Методологически исследование базируется на традиционных исторических методах, в дополнение применялся метод системного анализа, позволивший рассматривать описываемые события в контексте существовавшей общественно-политической системы, а также методы сопоставления и взаимопроверки сведений различных источников, принцип отбора документов.

Территориально исследование охватывает Сибирь в ее административных границах Сибирского края: в начале 1920-х гг. это «Сибревкомовская» Сибирь в пределах Енисейской, Иркутской, Томской, Омской, Новониколаевской, Алтайской губерний. С 1925 г. указанные территории составили основу Сибирского края, существовавшего вплоть до конца 1930 г., после чего восточные территории вошли во вновь образованный Восточно-Сибирский край, а в западной части административно оформился Западно-Сибирский край [28, с. 22–25].

Хронологически исследование ограничено с одной стороны 1922 г. К этому времени в Сибири были созданы органы советской власти на местах, осуществлялось становление правоохранительной системы, ее территория освобождена от белогвардейцев, определены административные границы, что позволило сместить вектор внимания на внутренние проблемы – борьбу с бандитизмом, разрухой, восстановление связи, путей сообщения и прочие [2, с. 45–46]. С другой – периодом начала 1930 гг., когда после 30 июля 1930 г. Сибирь была фактически разделена на два новых административно-территориальных образования, вместе с тем сохранив на протяжении ряда последующих лет определенные тенденции, имевшие место и формируемые в предыдущие десятилетия, в частности, в вопросе конокрадства, скотокрадства и противодействия данным негативным явлениям со стороны правоохранительной системы.

Исследование базируется на материалах государственных и ведомственных архивов Сибири, многие из которых впервые введены в научный оборот, прежде всего, Государственного архива Новосибирской области и Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Новосибирской области, а также опубликованных научных трудах, раскрывающих отдельные аспекты деятельности правоохранительных органов и общее состояние преступности региона.

Анализ архивных источников правоохранительных органов Сибирского региона показал, что уровень распространения конокрадства, когда предметом преступления выступала лошадь, и краж скота – иной домашней парнокопытной скотины, в 1920-х – начале 1930-х гг. выступал одним из факторов, определявших общий уровень криминальной обстановки в Сибири, наряду с контрреволюционными преступлениями, бандитизмом, хулиганством и прочими. По данным прокуратуры конокрадство стабильно удерживало лидирующие позиции в числе совершаемых в Сибири преступлений [15, л. 63].

Кражи лошадей и скота характеризовались дерзостью и наглостью преступников, их совершавших, которые даже в дневное время уводили животных, оставленных без должного присмотра. Преступная активность была разнообразна, однако в большинстве случаев ориентирована на животных, оставленных на подножный корм. Вместе с тем имели место факты применения насилия и оружия [30, с. 85]. Ценность и стоимость лошадей оставалась высокой, в сравнении со средним уровнем доходов в регионе, равно как и потребность в них в хозяйственной деятельности.

Общее количество лошадей в Сибири на протяжении всего исследуемого периода в целом говорит об их дефиците. С 1922 г. в регионе наблюдался рост посевных площадей, как следствие, увеличивалось поголовье скота и потребность в лошадях для обработки земель [16, л. 19]. Одновременно существовала острая нехватка лошадей, в частности, обозных и

строевых, находящихся в распоряжении правоохранительных органов [20, л. 90; 22, л. 41 об.]. Имела место также необеспеченность средствами связи и передвижения, что в совокупности с обширностью территории, климатическими и ландшафтными особенностями местности являлось существенным препятствием в их работе [10, л. 25]. В 1928 г. обеспеченность правоохранительных органов лошадьми была ниже 50 % от необходимого количества [6, л. 10; 9, л. 39].

Колоссальному распространению рассматриваемого вида преступлений способствовал целый ряд объективных факторов. Так, имели место общие недостатки в организации работы правоохранителей, в частности, отсутствие системности в работе по данному направлению. В начале исследуемого периода борьба с конокрадством и скотокрадством велась во многом «попутно» и не носила характер целенаправленного противодействия [6, л. 30]. Происходило это вследствие наличия широкого спектра направлений деятельности и перегруженности работой, в совокупности с кадровыми проблемами, выразившимися как в нехватке квалифицированных и профессиональных сотрудников, так и общем некомплекте. Ситуация начала меняться только к середине 1920-х гг., когда правоохранительные органы начали оформляться в систему, с соответствующим уровнем взаимодействия, оперативности и согласованности действий.

Одним из наиболее эффективных способов раскрытия краж скота и лошадей являлась работа по «горячим следам». В архивных источниках встречается немало подтверждений данного факта. Так, начальник Закаменского района Бочкарев, имея негласные сведения о нахождении в воровском притоне двух укрытых лошадей и зная, что в пределах Каргатского уезда пропали две лошади, Бочкарев своевременно предпринял меры и старания к розыску скрываемых краденых лошадей. Был задержан известный конокрад цыган Русетский. Действия Бочкарева были отмечены благодарностью [21, л. 113]. Вместе с тем в существовавших условиях его реализация была крайне затруднена.

Особенности учета и регистрации преступлений, отсутствие стабильных и отлаженных внутрисистемных связей как по вертикали, так и по горизонтали, являлись препятствием в осуществлении оперативного реагирования на преступные действия конокрадов и скотокрадов. Имели место недостатки в учете скота [8, л. 68].

Остро стоял вопрос документального подтверждения принадлежности лошадей и скота. Существовавшие конские карточки не всегда содержали всю необходимую для опознания лошади информацию, кроме того, с течением времени и от небрежного хранения они приходили в негодность. Конские карточки достаточно легко подделывались, выявлялись случаи, когда вместо печати прикладывался оттиск монеты. Поддельные карточки использовались скотокрадами для продажи скота [10, л. 113].

Лошади описывались по следующим пунктам: кличка лошади, нос, масть, приметы, возраст, рост (аршин и вершков). Например, «Араб» – жеребец вороной масти, во лбу белая звезда, между ноздрей белое пятно, грива направо, под седелкой белое пятно, оба уха с передней части вырезаны скобой, 12 лет, 2 аршина, 4 вершка; «Веселая» – кобыла бурой масти, грива на левую сторону, на передних ногах белые венчики, 5 лет, 1 аршин, 13 вершков [19, л. 72-75]. Подобное описание не всегда позволяло достоверно определить принадлежность скота.

Другим фактором, непосредственно влиявшим на распространение краж скота, выступала дальность расстояний и территориальный разброс населения. На начало 1926 г. Сибирский край представлял собой территорию в две с половиной тысячи квадратных километров, которую крайне неравномерно населяли около восьми миллионов человек. В крае насчитывалось 256 районов, а общее число населенных пунктов составляло более 18 тысяч [24, с. 89]. При этом подавляющее большинство населения проживало в сельской местности. Так, на 1 июля 1926 г. в городах края проживало всего около 13 % населения, в то время как в сельской местности без малого 87 % [8, л. 57]. Естественно, что приведенные обстоятельства оказывали непосредственное влияние на деятельность правоохранительных органов, которую приходилось выстраивать и планировать с учетом данных факторов.

Территориальный фактор был на руку конокрадам, он давал им возможность передислоцироваться и быть достаточно мобильными в своих передвижениях, затруднял их преследование правоохранителями, позволяя оставаться на свободе и быть относительно успешными в реализации противоправных действий.

К причинам распространения рассматриваемого вида краж следует отнести простоту их совершения в сочетании с высокой прибыльностью. Одним из распространенных способов сокрытия следов преступлений являлся убой украденного скота и его последующее перемещение и реализация в виде мяса, что сводило усилия по розыску к нулю [10, л. 112-113]. Ос-

новная масса совершаемых краж приходилась на сельскую местность, где уделялось минимальное внимание охране скота [5, л. 8; 10, л. 112].

В исследуемый период существовала криминальная специализация на кражах скота и лошадей. Еще в конце XVIII в. конокрадство на территории Сибири оформляется в организованный промысел [32, с. 83]. В преступной среде региона складывается класс конокрадов и скотокрадов, профессионально занимавшихся данным незаконным промыслом [18, с. 364]. В отличие от ситуативных совершаемых преступлений, в данном случае преступниками отлаживались способы совершения преступлений, маршруты движений для доставки и транспортировки похищенного, а также рынки сбыта, места хранения и разделки мяса, в случае кражи с целью убоя. Преступная деятельность таких групп не ограничивалась отдельной местностью или уездом, а осуществлялась сразу в нескольких граничащих между собой районах по «гастрольному» принципу. Правоохранители в подобной ситуации не всегда могли реально оценить масштаб действий злоумышленников и своевременно предпринять адекватные меры противодействия.

Конокрады кооперировались, оформлялись в шайки и банды с большим числом участников и пособников. Так, в 1923 г. была обезврежена шайка конокрадов под руководством Мавлютова, состоящая из более чем 60 человек [15, л. 63]. Конокрадством занимались и действовавшие на территории Сибири уголовные банды [8, л. 62 об.].

Варьировались способы совершения незаконных действий со скотом. Так, в Мамонтовском районе имелся пастух, заключавший с населением договоры через Профсоюз, который фактически скот не пас, а «гарантировал» его от краж. В гарантируемых им стадах краж не совершалось, а в остальных – факты имелись [5, л. 8].

Нельзя обойти стороной национальный фактор, имевший место в исследуемом регионе. Население Сибири не являлось мононациональным [26, с. 19]. До 20 % численности составляли представители различных национальностей, имевших особенности как в религиозном, так и в культурном аспектах [1, с. 91–92]. В зависимости от национальной принадлежности наблюдалось различное отношение к лошадям и скоту у населения. Традиционно у кочевых народов, к которым следует отнести казахов, цыган, башкир и прочих, число голов скота выступало показателем состоятельности, а кража лошади рассматривалась как своего рода искусство, передаваемое из поколения в поколение. Существовали обычаи отъема скота у обидчика в качестве мести, без цели наживы [3, с. 182–183]. Практиковалось использование скота в религиозных обрядах и культурах. Так, в Турочакском аймаке Ойротской области среди населения практиковались «кашланы», то есть приношение скота в жертву богу [14, л. 34–46].

Осложняло ситуацию территориальное соседство с Бурят-Монгольской республикой, а также Монголией и Казахстаном. Имели место случаи вооруженных налетов казахов с целью угона лошадей в Казахстан [10, л. 113]. У инородного населения конское мясо шло в пищу, что становилось дополнительным фактором распространения данного вида преступлений [8, л. 68].

Карательная политика по отношению к лицам, пойманным на кражах скота и лошадей, не была сбалансированной. Свое отражение это находило в недостаточно жестких приговорах конокрадам и скотокрадам, которые часто продолжали преступную деятельность после освобождения. Меры назначаемых судом наказаний часто не воспринимались обществом как равноценные за содеянное. Крестьяне негодовали по поводу безнаказанности конокрадства, которое серьезным образом вредило их хозяйственной деятельности. При поимке конокрадов в деревнях нередко устраивали самосуд [15, л. 63], количество которых к 1933 г. в стране достигло критических масштабов, таких, что Пленум Верховного суда СССР был вынужден ввести в оборот легальное определение данного явления [25, с. 167].

Анализ территориальной распространенности скотокрадства и конокрадства в Сибири демонстрирует, что данный вид преступлений наблюдался повсеместно. Выделялись в данном аспекте крупные города – Новосибирск, Томск, Омск, Иркутск, Красноярск, Барнаул и другие, которые представляли собой центры экономической жизни региона, в связи с чем являлись пунктами, где заключались сделки и осуществлялась торговля, в том числе лошадьми и скотом, украденными на территории Сибири. В сельской местности наибольшее число краж отмечалось в Хакасском, Тулунском, Новосибирском, Иркутском, Красноярском, Канском, Кузнецком, Томском и Ачинском округах [29, с. 169, 171].

Скотокрадство и конокрадство имели ярко выраженную сезонность с увеличением числа преступлений в межсезонье [17, л. 12 об.]: осенью, когда после летнего нахождения на подножном корме, скот был в хороших физических кондициях, и весной, когда скот выгонялся в поля после длительного зимнего простоя. Параллельно крестьяне были заняты сельхозрабо-

тами, тем самым контроль за скотом ослабевал, а особенности смены сезонов (уменьшение светового дня, изменение окраса окружающей природы и прочее) облегчали совершение краж, скрывая следы преступлений.

В борьбе со скотокрадством и конокрадством в исследуемый период правоохранные органы применяли широкий спектр мер. К числу наиболее распространенных следует отнести контроль мест купли-продажи. На базарах, рынках и в иных пунктах торговли правоохранными регулярно планировались и проводились розыскные мероприятия, в ходе которых обнаруживались и изымались краденые лошади и скот, а также задерживались лица, находящиеся в розыске [12, л. 6]. Внедрялись практики оперативного реагирования на кражи скота и лошадей, их поиск и раскрытие преступлений «по горячим следам» [10, л. 112–113].

Совершенствовался учет преступного элемента, попавшего в поле зрения правоохранителей, осуществлялся сбор и анализ оперативной информации о конокрадах, скотокрадах и их пособниках [30, с. 85], что положительно сказывалось на уровне раскрываемости. Так, на одном из базаров были задержаны два гражданина с большим количеством мяса, предъявившие удостоверения личности с поддельными печатями. В ходе выяснения было установлено, что данные граждане уже являлись обвиняемыми по делам о конокрадстве и подделке документов. В ходе разбирательства было установлено, что данная группа из семи человек с лета 1931 г. промышляла скотокрадством. При обысках у ее членов были обнаружены поддельные печати и штампы [10, л. 113].

Отдельным мероприятием выступало проведение кампаний по борьбе со скотокрадством, в ходе которых организовывались облавы, проверялись учетные конские карточки отдельных владельцев.

В числе мер по противодействию кражам лошадей и скота следует учитывать мероприятия по ликвидации банд, многие из которых специализировались на конокрадстве и скотокрадстве, количество которых в исследуемый период было значительным. Так, только в первом квартале 1934 г. подобных банд групп было уничтожено более 100 [13, л. 40–43]. Ущерб от бандитизма достигал невиданных масштабов за счет слаженности действий бандитов, планирования преступной деятельности, а также вовлечения в нее большого числа людей. В 1932 г. только одной преступной группой, действовавшей на территории Новосибирского района, специализировавшейся на кражах и скупке украденных лошадей и скота, было забито около 6000 голов [11, л. 143].

Происходил процесс ужесточения карательной политики в отношении лиц, виновных в кражах скота и лошадей: в качестве мер социальной защиты населения к конокрадам и скотокрадам активно применялись содержание под стражей, высылка за пределы губернии, особый порядок рассмотрения документов о досрочном освобождении, а сами дела предписывалось рассматривать в короткие сроки [30, с. 85–86]. Применяемые меры наказаний делали данный вид преступлений невыгодным и опасным с точки зрения наступления негативных последствий при поимке, что заставляло отказываться от преступных умыслов, либо избирать иные способы незаконного обогащения [8, л. 68].

Следует отдельно отметить предупредительную работу правоохранителей, включавшую в себя оптимизацию учета лошадей и скота, регламентацию порядка забоя животных и торговли мясом, профилактическое информирование населения и прочие меры.

На протяжении всего исследуемого периода вопрос противодействия кражам скота и лошадей систематически обсуждался на заседаниях межведомственных региональных совещаний по борьбе с преступностью, с целью выработки консолидированных действий и отдельных мер по снижению данного вида имущественных преступлений [15, л. 89]. Итогами подобных совещаний становились согласованные целенаправленные мероприятия по противодействию скотокрадству и конокрадству, отличавшиеся результативностью.

Составлялись сезонные планы борьбы с конокрадством, в соответствии с которыми в места, наиболее подверженные конокрадству, посылались ударные группы сотрудников милиции и уголовного розыска [17, л. 12 об.]. Судебным органам рекомендовалось при рассмотрении соответствующей категории дел принципиально подходить к назначению наказания; милиции и уголовному розыску включаться в работу не только после сообщения о преступлении для его раскрытия «по горячим следам», но и уделять внимание профилактике, периодически осуществлять контроль и проверку отдельных категорий граждан и мест, ранее попадавших в поле зрения правоохранителей. Органам власти на местах предписывалось усилить, систематизировать и контролировать разъяснительно-пропагандистскую деятельность среди населения. Параллельно

акцентировалось внимание на необходимости ведения учета конских карточек и документов на скот в строгом соответствии с существовавшими порядкам по единому образцу.

Совершенствовалась система документирования принадлежности лошадей, договоры об их купле-продаже подлежали обязательной регистрации, отсутствие которой могло расцениваться как соучастие в преступлении. Уделялось внимание усилению пограничного контроля, в частности, с Казахстаном. С 1926 г. правоохранители получили возможность проведения розыскных мероприятий в смежных с Сибирью и Казахстаном местностях [7, л. 9].

Предпринимаемые меры приводили к конкретным результатам, выразившимся в количестве разысканных и возвращенных единиц скота, а также отрицательной динамике роста количества преступлений [13, л. 8, 38, 58]. Следствием целенаправленной деятельности правоохранителей стало постепенное снижение общего уровня краж лошадей и скота в регионе. Однако общий процент раскрываемости оставался низким, на уровне 50 % [12, л. 6], как в целом и общий уровень раскрываемости преступлений в Сибири [23, с. 30–31].

В заключение следует отметить, что в исследуемый период конокрадство и скотокрадство являлись действительным социальным бедствием, что подтверждается проанализированными источниками. Причинами широкого распространения конокрадства и скотокрадства в Сибири, помимо очевидных исторически обусловленных предпосылок, являлся целый набор факторов, являющихся, с одной стороны, следствием исторического периода (социально-экономического характера, организационного порядка и прочих), с другой – присущих исключительно Сибирскому региону (территориальные, сезонные и климатические особенности, бандитизм, профессиональное конокрадство, культурная и национальная специфика). Предпринимаемые правоохранителями усилия, включавшие в себя конкретные мероприятия, реализуемые как по факту совершения преступных действий, так и в профилактическом порядке, в совокупности со стабилизацией и даже некоторым улучшением социально-экономической ситуации в регионе, а также безусловным и постоянным укреплением системы правоохранительных органов, безусловно, сняли остроту проблемы конокрадства и скотокрадства в регионе, однако не решили ее окончательно.

Список литературы

1. Астраханцева И. Ф., Дудолов А. А., Тимошенко М. И. Административно-территориальное деление Сибири. Новосибирск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1966. 220 с.
2. Вышатко Н. Н. Государственный архив Новосибирской области. Путеводитель. М. : Звенья, 2002. 959 с.
3. Галиева Ф. Г. Конокрадство как этносоциальное явление на примере Башкирии: опыт истории в контексте современности // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 3–1. С. 178–196. DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-178-196.
4. Гизатулин Ш. Т. Конокрадство в Самарской губернии в 1923–1925 гг. // Самарский научный вестник. 2018. № 1 (22). С. 182–185.
5. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 4.
6. ГААК. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 31.
7. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 136.
8. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 44.
9. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 72.
10. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 140.
11. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 163.
12. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175.
13. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 192.
14. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 227.
15. ГАНО. Ф. Р-878. Оп. 2. Д. 17.
16. ГАНО. Ф. Р-878. Оп. 2. Д. 159.
17. ГАНО. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д. 15а.
18. Данчевская А. В. О борьбе с конокрадством в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX вв. // Историко-экономические исследования. 2020. № 3. С. 357–377. DOI: 10.17150/2308-2588.2020.21(3).357-377.
19. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области (Информационный центр Главного управления МВД России по Новосибирской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
20. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7.
21. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10.
22. ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 29.
23. Исаев В. И., Михеев Д. Ю. Обеспечение государственной и общественной безопасности в Сибири в 1920-е годы: общественно-политические условия и криминогенная обстановка // Войска националь-

ной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности : мат-лы научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 1 января – 31 декабря 2019 г.). Новосибирск : Изд-во НВИ войск национальной гвардии, 2019. С. 28–32.

24. *Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В.* 200 лет на страже порядка : очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск : Красное знамя, 2002. 519 с.

25. *Никулин В. В.* От революционной целесообразности к революционной законности. Сущность и специфика эволюции советского права в 1920-е годы. М. : Юстицинформ, 2021. 328 с.

26. *Озерова О. А.* Из истории поездки И. В. Сталина в Сибирь (1928 г.) и ее последствия для края и Северного Казахстана // Омский научный вестник. 2012. № 3. С. 19–23.

27. *Оришев А. Б., Тарасенко В. Н.* Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа : историографический анализ. 2023. М. : РИОР, 150 с.

28. *Суходолов А. П.* Сибирь в начале XX в. Территория, границы, города, транспортные магистрали, сельское хозяйство. Иркутск : Изд-во Иркут. экон. акад., 1996. 175 с.

29. *Угроватов А. П.* Кражи в Сибири в 1920-е годы (по материалам судебных и следственных органов) // ЭКО. 2012. № 12 (462). С. 163–174.

30. *Угроватов А. П., Харлов М. А.* Деятельность милиции Сибири по предупреждению и пресечению преступлений в 20-е гг. XX в. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2003. № 5. С. 76–88.

31. *Черноморец С. А., Анисимов В. Ф.* Уголовное законодательство советской России 20-х годов XX века о преступлениях против собственности с признаками хищения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2 (20). С. 9–15.

32. *Чудновский С. Л.* Енисейская губерния: к трехсотлетию юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). Томск : Тип. Сибирской газ., 1885. 202 с.

Thefts of horses and livestock in the 1920s and early 1930s in the context of the activities of law enforcement agencies in Siberia

Kuznetsov Denis Evgenievich

PhD in Historical Sciences, Deputy Head of the Research and Editorial Publishing Department –
Head of the Research Department, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard
of the Russian Federation. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0009-0002-7528-1823. E-mail: goodjobman@inbox.ru

Abstract. This article analyzes the activities of the Siberian law enforcement system to combat the theft of horses and livestock, as one of the most dangerous crimes that became widespread in the region during the period under study. The relevance of the study is evidenced by the widespread horse theft and cattle rustling on various scales throughout the country at the initial stage of the formation of the Soviet state. The aim is to systematize the factors that contributed to the widespread theft of horses and livestock in Siberia in the 1920s and early 1930s, as well as to identify the main measures to counter this type of criminal activity on the part of the Siberian law enforcement system. Examples of horse theft and cattle rustling, as well as successful actions by law enforcement agencies, are given. The state and effectiveness of Siberian law enforcement agencies in combating this type of crime are analyzed, general shortcomings in its organization and successful actions are noted. The result of the study is a systematization of the factors that contributed to the widespread theft of horses and livestock in Siberia in the 1920s and early 1930s, as well as the main measures to counteract theft of this type by law enforcement officers of Siberia as a system of government agencies. The author comes to conclusions about the widespread horse stealing and cattle rustling in Siberia during the period under study, which had both historically conditioned prerequisites and specific regional causes and features. The coordinated actions of the law enforcement system have relieved the severity of the problem of theft of horses and livestock, but have not completely solved it. The results of the study are applicable in the field of further study of the history of law enforcement agencies in Siberia, its clarification and additions, as well as comparative studies on similar topics in order to identify patterns and features in the theft of horses and livestock, as well as the response of the system of regional law enforcement agencies.

Keywords: horse theft, cattle rustling, cattle rustling, police, professional crime.

References

1. *Astrahanceva I. F., Dudoladov A. A., Timoshenko M. I.* *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri* [Administrative-territorial division of Siberia]. Novosibirsk. West Siberian Book Publishing House. 1966. 220 p.
2. *Vyshatko N. N.* *Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti. Putevoditel'* [State Archive of the Novosibirsk region]. Guidebook. M. Zvenya (Links). 2002. 959 p.
3. *Galieva F. G.* *Konokradstvo kak etnosocial'noe yavlenie na primere Bashkirii: opyt istorii v kontekste sov-*

remennosti [Horse stealing as an ethnosocial phenomenon on the example of Bashkiria: the experience of history in the context of modernity] // *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem* – Modern studies of social problems. 2017. No. 3–1. Pp. 178–196. DOI: 10.12731/2077-1770-2017-3-178-196.

4. *Gizatulin Sh. T. Konokradstvo v Samarskoj gubernii v 1923–1925 gg.* [Horse stealing in the Samara province in 1923–1925] // *Samara scientific herald*. 2018. No. 1 (22). Pp. 182–185.

5. SAAT (State Archive of the Altai Territory). F. P-110. Inv. 1. File 4.

6. SAAT. F. P-110. Inv. 1. File 31.

7. SANR (State Archive of the Novosibirsk region). F. P-20. Inv. 1. File 136.

8. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 44.

9. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 72.

10. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 140.

11. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 163.

12. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 175.

13. SANR. F. P-47. Inv. 1. File 192.

14. SANR. F. P-47. Inv. 5. File 227.

15. SANR. F. P-878. Inv. 2. File 17.

16. SANR. F. P-878. Inv. 2. File 159.

17. SANR. F. P-1127. Inv. 1. File 15a.

18. *Danchevskaya A. V. O bor'be s konokradstvom v Irkutskoj i Enisejskoj guberniyah v konce XIX – nachale XX vv.* [On the fight against horse theft in the Irkutsk and Yenisei provinces in the late XIX – early XX centuries] // *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* – Historical and economic research. 2020. No. 3. Pp. 357–377. DOI: 10.17150/2308-2588.2020.21(3).

19. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region (Information Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region). F. 4. Inv. 1. File 3.

20. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region. F. 4. Inv. 1. File 7.

21. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region. F. 4. Inv. 1. File 10.

22. IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Novosibirsk region. F. 4. Inv. 1. File 29.

23. *Isaev V. I., Miheev D. Yu. Obespechenie gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti v Sibiri v 1920-e gody: obshchestvenno-politicheskie usloviya i kriminogennaya obstanovka* [Ensuring state and public security in Siberia in the 1920s: socio-political conditions and criminogenic situation] // *Vojska nacional'noj gvardii v sisteme obespecheniya gosudarstvennoj i obshchestvennoj bezopasnosti : mat-ly nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Novosibirsk, 1 yanvarya – 31 dekabrya 2019 g.)* – National Guard troops in the system of ensuring state and public security safety : materials of a scientific and practical conference with international participation (Novosibirsk, January 1 – December 31, 2019). Novosibirsk. Publishing House of the NVI of the National Guard Troops, 2019. Pp. 28–32.

24. *Lar'kov N. S., Chernova I. V., Vojtovich A. V. 200 let na strazhe poryadka : ocherki istorii organov vnutrennih del Tomskoj gubernii, okruga, oblasti v XIX–XX vv.* [200 years on guard of order : essays on the history of the internal affairs bodies of the Tomsk province, district, region in the XIX–XX centuries]. Tomsk. Krasnoe Znamya (Red Banner). 2002. 519 p.

25. *Nikulin V. V. Ot revolyucionnoj celesoobraznosti k revolyucionnoj zakonnosti. Sushchnost' i specifika evolyucii sovetskogo prava v 1920-e gody* [From revolutionary expediency to revolutionary legality. The essence and specifics of the evolution of Soviet law in the 1920s]. M. Justicinform. 2021. 328 p.

26. *Ozerova O. A. Iz istorii poezdki I. V. Stalina v Sibir' (1928 g.) i ee posledstviya dlya kraja i Severnogo Kazahstana* [From the history of I. V. Stalin's trip to Siberia (1928) and its consequences for the region and Northern Kazakhstan] // *Omskij nauchnyj vestnik* – Omsk Scientific herald. 2012. No. 3. Pp. 19–23.

27. *Orishev A. B., Tarasenko V. N. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo cheloveka v epohu NEPa : istoriograficheskij analiz* [The daily life of a Soviet man in the era of the NEP : a historiographical analysis]. 2023. M. RIOR. 150 p.

28. *Suhodolov A. P. Sibir' v nachale XX v. Territoriya, granicy, goroda, transportnye magistrali, sel'skoe hoz'yajstvo* [Siberia at the beginning of the twentieth century. Territory, borders, cities, highways, agriculture]. Irkutsk. Publishing house of Irkut. econ. akad. 1996. 175 p.

29. *Ugrovatov A. P. Krazhi v Sibiri v 1920-e gody (po materialam sudebnyh i sledstvennyh organov)* [Thefts in Siberia in the 1920s (based on the materials of judicial and investigative authorities)] // *ECO*. 2012. No. 12 (462). Pp. 163–174.

30. *Ugrovatov A. P., Harlov M. A. Deyatel'nost' milicii Sibiri po preduprezhdeniyu i presecheniyu prestuplenij v 20-e gg. XX v.* [The activities of the Siberian police for the prevention and suppression of crimes in the 20s of the XX century] // *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. No. 5. Pp. 76–88.

31. *Chernomorec S. A., Anisimov V. F. Ugolovnoe zakonodatel'stvo sovetskoj Rossii 20-h godov XX veka o prestupleniyah protiv sobstvennosti s priznakami hishcheniya* [Criminal legislation of Soviet Russia in the 20s of the XX century on crimes against property with signs of theft] // *Yuridicheskaya nauka i pravooh-ranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice. 2012. No. 2 (20). Pp. 9–15.

32. *Chudnovskij S. L. Enisejskaya guberniya: k trekhstoletnemu yubileyu Sibiri (statistiko-publicisticheskie etyudy)* [Yenisei province: to the three-hundredth anniversary of Siberia (statistical and journalistic sketches)]. Tomsk. Type. Siberian gas. 1885. 202 p.